

6. Митник К. Д., Саймон В. Л. Искусство обмана. – М. : АйТи, 2004. – 360 с.

7. Об информации, информатизации и защите информации : [Федер. закон : в ред. от 10.01.2003 г. №15-ФЗ]. – М. : Ось-89, 2005. – 32 с.

8. Психологические особенности персонала, предрасполагающие к успешной реализации социоинженерных атак / А.Л. Тулупьев, Т.В. Тулупьева, О.Ю. Григорьева, А.А. Азаров // Науч. тр. Сев.-

Зап. ин-та управления РАНХиГС. – 2012. – Т. 3, вып. 3(7). – С. 256–266.

9. Филиппов Г.Г. Опыт классификации технологий социального манипулирования / Управленческое консультирование // Актуал. пробл. гос. и муницип. упр. – 2011. – № 1. – С. 112–122.

10. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (психологи манипулирования). – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2001. – 848 с.

УДК 316.354 : 355.441.1 (470.23-25)

Р.М. Грановская

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ СТОЙКОСТИ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА (1941–1944 гг.)

Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никитина, Санкт-Петербург

Представлены личные воспоминания подростка-девочки о днях блокады в осажденном немецкими фашистами Ленинграде (1941–1944 гг.), ныне доктора психологических наук профессора. Анализируются социально-психологические причины стойкости жителей блокадного Ленинграда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., блокада Ленинграда, установки, моральные ценности.

Подростком я перенесла блокаду, но только теперь, после 55 лет психологического стажа начала понимать всю грандиозность подвига жителей Ленинграда. Действительно в истории человечества – это не первая блокада, но не было совокупности обстоятельств, так сильно напрягавших психику жителей [1]. Эта совокупность включала:

- большую продолжительность блокады – около 900 дней;
- жестокий голод;
- исключительно суровые зимы;
- отсутствие дров для печей;
- постоянные обстрелы и бомбардировки
- полную неопределенность времени окончания блокады, т. е. сколько еще надо выдерживать.

Такой перечень трудностей и породил у немцев уверенность, что жители не выдержат и сдадутся. Любой нейропсихолог знает, что это – непосильная нагрузка для человека. Действительно много жителей нашего города не вынесли ее и скончались. Однако город не только выстоял, он работал на поддержку фронта и проявлял небывалую выдержку. В чем причина такого поведения граждан? Они отстаивали не только свою жизнь, но и свою мечту о светлом будущем, где люди будут равны и свободны. Как теперь известно психологам, нет силы более мощной, чем идеалы, мобилизующие все силы личности. Таких идеалов немного – это вера в Бога, любовь к человеку и одержимость твор-

ческой задачей. Поэтому теперь я вспоминаю поведение ленинградцев в блокаду с великой гордостью. Я думаю, что когда человек живет во имя своего идеала, он может вынести практически любую нагрузку! Теперь несколько личных эпизодов.

Как-то вечером мы с мужем смотрели телевизионную передачу про защиту Ленинграда во время блокады. В передаче принимали участие несколько военных журналистов и одна дама. Военные журналисты обращали внимание на отдельные участки обороны и на то, с каким трудом доставлялось оружие в осажденный Ленинград. Они гордились защитниками и не скрывали этого. Вдруг в беседу вступила дама. Оказалось, что она из какого-то литературного журнала. Со всем пылом она стала доказывать, что весь героизм ленинградцев был напрасной тратой сил и здоровья. Что незачем было сопротивляться и умирать от голода, а надо было сразу сдать город, и тогда в нем сохранились бы все архитектурные ценности и красоты.

Мы были потрясены. Нам казалось, что на наши головы вылили ведро помоев. Во-первых – что-то я не помню, чтобы фашисты бережно сохраняли города, даже в тех редких случаях, когда им не оказывали сопротивления, а во-вторых, наши люди не представляли себе жизнь под фашистским господством.

К моменту начала войны мне было всего 12 лет, но и теперь, по прошествии многих лет (сейчас мне 83 года), я отчетливо помню тот всеобщий

дух сопротивления и взаимопомощи, который пронизывал всю жизнь в блокадном городе.

В моей семье нас было четверо. Отец работал на военном заводе инженером и имел бронь, но он сразу решил идти на фронт добровольцем, поскольку считал, что и образованием, и жильем, и техническими достижениями обязан Советам. Кроме меня, в семье росла моя сестренка (Тата), которой к этому времени еще не было 3 лет. Предполагалось, что мама будет эвакуироваться со своим заводом, а я – со школой. Однако она очень не хотела разлучать детей и обратилась с просьбой к заведующей детским садиком, который был в соседнем доме. Она просила взять меня помощницей, чтобы я поехала вместе с сестрой. Надо сказать, что эта заведующая была исключительной женщиной. Крупная и властная Надежда Соломоновна так берегла каждого ребенка, что к концу 1941 г. у нее не было ни одного умершего. Когда я вспоминаю ее, мне очень хочется, чтобы во дворе нашего дома был поставлен ей памятник! Так получилось, что я поехала с детским садом. До сих пор помню самоотверженные усилия Надежды Соломоновны. Дело в том, что садик поселили возле молокозавода, а хлеба, круп и картошки нигде совсем не было, и дети начали болеть. Надежда Соломоновна обошла все окрестные деревни, крестьяне помогли, она достала немного еды, и дети смогли продержаться.

Потом нам пришлось уехать раньше садика, поскольку отец уходил на фронт и хотел попрощаться с нами. Мама приехала за нами и увезла нас домой. А через 10 дней пришлось возвращаться и садик, поскольку обстрелы там начались раньше, чем в городе. До сих пор помню каждое слово в наставлении папы. Сначала он объяснил, что все хозяйственные заботы теперь лежат на мне: купить дрова, привезти и уложить в сарай, топить печку, платить все коммунальные платежи, так как мама все путает, помнить, что она не переносит запаха рыбы – научиться ее чистить, но, главное, теперь все заботы о Тате лежат на тебе, поскольку маме надо работать.

Потом он напомнил мне, что я – девочка и дал ряд советов: постарайся за все платить сама, денежные расчеты – самые определенные, а услугами будешь расплачиваться всю жизнь. Если ты видишь, что кто-то тебя очень хвалит и дарит комплименты, в этот момент надо сосредоточиться и подумать, что ему от тебя надо? Если на тебя напал страх, надо постараться пойти ему навстречу, и пока будешь двигаться, он будет уменьшаться.

Мы должны были уезжать с папиным заводом. Погрузились в вагоны и двинулись на Вос-

ток. Но далеко мы не уехали – пути были разрушены. Стояли несколько суток.

А в это время Тата заболела скарлатиной. Ее надо было вернуть в Ленинград, и для этого вызвали дрезину. Пока ее ждали, все здоровые вышли на поле и выкопали кочерыжки капусты с уже убранного колхозного поля. Таким образом, когда пришла дрезина, мы уехали с двумя мешками кочерыжек, т. е. не без еды.

Мы вернулись домой с больной Татой, и у нас не было лекарств и еды. Тогда кто-то из соседей дал дельный совет. Во флигеле живет певица Снежневская, которая выступает в военных соединениях. Расскажи ей все и попроси достать немного пенициллина. Мама так и сделала. А через день к нам пришла Снежневская и рассказала, что перед концертом обрисовала наше положение, а посла концерта ей вручили две коробки – с лекарством и с едой.

Отец ушел на фронт, а мы остались без продовольственных карточек, так как мама не работала. Тогда она пошла на свой старый завод и попросила принять ее на работу. Цех, где она работала, уже эвакуировали, но ей немедленно пошли навстречу, оформили и выдали рабочую карточку.

Иногда она приносила с работы пару луковиц, и тогда мы шли к нашим соседям старушкам Софье Яковлевне и Любови Яковлевне и устраивали пир. Они обычно долго отказывались, ссылаясь на то, что в доме все знают, что у них нет рабочих карточек и помогают чем могут.

В это время сильно похолодало, и перестали работать школы. Тогда собрались во дворе женщины и решили, что надо что-то сделать. Они нашли достаточно большую комнату (45 м²) и стали сообща ее отапливать. Туда приходили 4 учительницы и несколько десятков ребят. Главные усилия и заботы всех детей и родителей были не в том, чтобы ребята были в тепле, а в том, чтобы они не пропустили учебный год!

Каждый день я вставала очень рано и шла за хлебом в булочную. Это была совершенно особенная булочная, и сегодня, 50 лет спустя, я прохожу ее с глубокой благодарностью. Ее продавщицы приходили на работу на 2 ч раньше и открывали двери, чтобы все, кто стоит в очереди, могли войти в более теплое помещение.

В это время меня постигло несчастье – у меня украли продовольственные карточки. Их тогда выдавали на декаду, а до следующей выдачи оставалось 8 дней [2]. Такое время без хлеба было не пережить. Мама боялась увидеть, как я буду умирать, и придумала, как меня вывести из дома. Она вспомнила, что один из ее однокурсников был направлен на работу в райком партии. Она написала ему письмо и отправила

меня отнести его. Несколько раз по дороге я садилась и засыпала, но прохожие меня поднимали, и я добралась до здания райкома. Нужно-го человека на месте не оказалось, и я уснула у его дверей, так как там было теплее. Когда меня разбудили, он прочитал письмо и отправил меня с помощником в столовую. Там меня накормили и в сопровождении женщины отправили домой. Она принесла нам суп и кашу и стала носить нам еду до того дня, когда мы смогли получить карточки.

Зимой 1942 г. в блокадном Ленинграде решили устроить елку для детей. В пригласительном билете было сказано, что надо взять с собой миску и ложку. Это очень обнадеживало и дало силы в морозный день пройти несколько остановок до дома «политкаторжан», где проводился праздник. Когда я добралась туда, то увидела, что там действительно стояла елка и какие-то люди в теплых пальто изображали концерт, но все ждали, когда же понадобятся миски и ложки. Наконец, этот миг наступил, и нам выдали какой-то синтетический кисель и по сухарику. Однако это было еще не все! Каждый получил фунтик с несколькими съедобными кусочками. После этого все отправились по домам. Вот тут-то и начались мои мучения! Невероятно хотелось съесть все это прямо на морозе! Но ведь я и так уже съела кисель, а мама не ела! Борьба с собой была очень жестокой и кончилась тем, что половину содержания фунтика я все-таки съела. В наказание себе за этот проступок я решила отмыть клеенку на столе. При этом так старалась, что отморозила кисти рук и теперь вынуждена ежедневно делать для них особую зарядку.

Весна пришла солнечная, но холодная. Ленинградцы стали вылезать на солнышко погреться и заодно продавали книги и другие несъедобные вещи. На таком рынке мне и посчастливилось купить горшок с розой для мамино-го дня рождения.

Здесь самое время пропеть благодарственный гимн нашему любимому Ленинградскому радио. Это были наши помощники и друзья. Они поддерживали нас как самые близкие люди. Они просили подняться утром и обещали хорошие новости с фронта. Они просили по возможности выходить из дому и обещали наши любимые песни, они ободряли нас круглые сутки, и мы не чувствовали себя покинутыми и одинокими.

Солнышко пригревало все сильнее, и это несло страшное бедствие городу. Не все трупы в городе были убраны профессионально и надежно. В то же время известно, что ни один город мира, подвергшийся блокаде, не уберется от эпидемий. Надо было срочно убрать и тщатель-

но очистить город. Тогда к нам и обратились по радио. Нас просили, когда мы греемся на солнышке, взять с собой метелочку и подмести хотя бы 1 м² вокруг себя. И поступать так несколько раз в день. Результат был ошеломительный! Ни до, ни после мне не пришлось видеть свой город таким чистым, и эпидемий мы избежали!

Мы так любим свой город, что идея отдать его звероподобным фашистам, идея, высказанная этой журналисткой, во время войны могла бы дорого ей обойтись!

В конце весны я заболела. У меня оказался тяжелый экссудативный плеврит, и врачи вынесли постановление – срочная эвакуация. Тогда эвакуировали через Ладогу. Мы забрали Тату из садика и поехали на берег Ладоги. Здесь мы и увидели, что дети, перенесшие голод вне семьи, радикально изменились за это время.

Мы с мамой и маленькой сестренкой должны были эвакуироваться на «Большую землю» переправой через Ладожское озеро. При этом все вещи грузили на баржи, а людей на катера, потому что катера обладали большей маневренностью и могли уклоняться от снарядов при частых обстрелах. Поскольку мы были в особо плохом состоянии, погода очень холодной, а очередь на посадку в катера длиной в несколько километров, то военные, поддерживающие порядок при посадке, периодически осматривали стоящих в очереди и особенно слабых передвигали вперед. Таким путем нас выдвинули вперед и погрузили на один из двух катеров, где ехали дети из детского дома, шефами которых был один из крупных заводов Ленинграда. В связи с тем, что мы были с мамой, на нашем катере воспитателей не было, они плыли на другом катере.

Шефы на дорогу выделили детям несколько ящиков с сухарями, забитых досками, с тем, чтобы их открыли и накормили детей после переправы. Как только мы отплыли, начался жестокий артиллерийский обстрел, и моряки непрерывно спускались в трюм, чтобы успокоить детей и сказать, что сильная качка связана с их усилиями уклоняться от снарядов. Однако на них никто не обращал внимания, их никто не слышал! Сразу же после отплытия началась страшная драка за эти ящики. Дети руками отдирали гвозди, ранились гвоздями, катались клубком и визжали, поскольку качало очень сильно. Мама пыталась нас с сестрой как-то защитить от этих озверевших детей, но все равно к моменту прибытия и они, и мы все были в крови, все сухари дети съели, совершенно не думая о возможной смерти и не замечая ничего вокруг себя! Дети не только не испытали страха смерти, они не заметили ни страшной качки, ни разрывов снарядов!

... Прошло много лет, я стала профессиональным психологом и теперь могу оценить те усилия, которые и привели к подобной сплоченности, выдержке и взаимопомощи. Многие годы мы с гордостью постигали, что идеалы нашей страны – это идеалы лучшей жизни для всех народов. Нас эмоционально настраивали прекрасные духоподъемные песни, мы имели возможность развиваться – бесплатно посещая любые кружки и учиться в любых институтах. Одним словом – это была наша страна, и мы ею гордились.

В отличие от этого все блага, которые Гитлер обещал немцам, – это были блага не для всех жителей Германии, а только для некоторых, и в будущем, когда они завоюют нашу землю.

А жители нашей страны никогда не приветствовали завоевателей, посягавших на их дома и земли.

С одной стороны, в те времена у нас в стране еще не было такого криминального имущественного и правового расслоения населения. Каждый считал себя вправе наводить порядок в своей стране и требовать этого от остальных. К моменту начала войны у наших граждан уже были не идиллические надежды, а реальный личный опыт использования достижений революции. Они на себе испытали возможность: учиться, работать, заниматься спортом и развивать свои интеллектуальные способности. При этом они видели, что государство поддерживает все их усилия и достижения. Действительно ученых посылали на международные конференции, премировали за любые трудовые достижения, строили Дома пионеров, стадионы и создавали детские команды. Поэтому наши горожане хорошо понимали – что они должны отстоять!

С другой стороны – идея, что резкое ухудшение бытовых условий: голод, бомбежки, морозы и массовая гибель людей от голода – все это должно было непременно привести граждан к стремлению сдать город врагу. Эта идея совсем не в русле наших традиций. Кроме того, при этом упускалось из виду, что эмоциональные переживания требуют энергетического ресурса и много психических усилий, которых тогда у людей уже не было [1].

Использую пару примеров, иллюстрирующих необходимость учитывать объем энергетических ресурсов личности на протекание психических процессов и их изменение под воздействием экстремальных обстоятельств. Не всякие эмоциональные воспоминания можно разделить с теми, кто не пережил нечто похожее. Многие писатели посвящали свои творения Ленинградской блокаде, а те, кто пережил ее,

морщились, смущались, возмущались и презирали этих писателей. Действительно, их описания были так далеки от реальности, что и говорить на эту тему было неприятно. Однажды я задумалась – почему так происходит? Как получается, что талантливые писатели все как один, обращаясь к этой теме, теряют навык и способности? Постепенно начала проявляться истина. Перед ними стояла весьма трудная проблема: они стремились передать ужас ситуации людям, находящимся в нормальной обстановке, и использованные ими стиль и фабула определялись этой специфической задачей.

В реальности Ленинградской блокады, под воздействием длительной голодовки и перманентной усталости от холода и обстрелов радикально изменялась психика человека. («Того ужаса люди не чувствовали»). Человек как бы «деревенел», поскольку для переживаний необходима энергия, запас сил, которых не было. Поэтому человек ко всему окружающему начинал относиться как бы бесчувственно. Вот я помню, что у нас на лестнице лежали трупы. Спускаясь с третьего этажа, я должна была их миновать. При этом главные переживания были связаны с тем, как высоко надо поднимать ноги и как это трудно, хотя многих я хорошо знала и долго жила с ними до войны. Обращаясь теперь к здоровым людям, с нормальным запасом сил, писатель вынужден применять приемы воздействия, пробивающие их нормальную психику. Поэтому эти творения не для тех, кто пережил блокаду, и нечего на них обижаться. Известный невропатолог Наталия Николаевна Трауготт рассказывала мне, что у нее была пациентка, пережившая блокаду. У этой женщины умерли два ребенка. Первая девочка долго болела и умерла до войны, вторая – в период блокады. Так вот сама мать удивлялась тому, что часто вспоминает и горюет о первой дочери и очень редко и без всяких переживаний вспоминает вторую.

Теперь надо сказать о главном, в обстановке блокады изменилось поведение, поскольку на первый план вышел фундамент психики. Теперь поведение опиралось не на импульсивную динамику эмоций, а на фундаментальные базовые нравственные основы, которые от голода и холода не меняются! Поэтому и выстояли!

Литература

1. Будни Подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах, 8 сент. 1941 – 27 янв. 1944 / сост. В.М. Давид. – СПб., 2006. – 301 с.
2. Кутузов А.В. Моральное состояние граждан в Ленинграде высочайшего качества. Блокада Ленинграда и Великобритании: различия и сходство // Воен.-истор. журн. – 2010. – № 9. – С. 50–52.